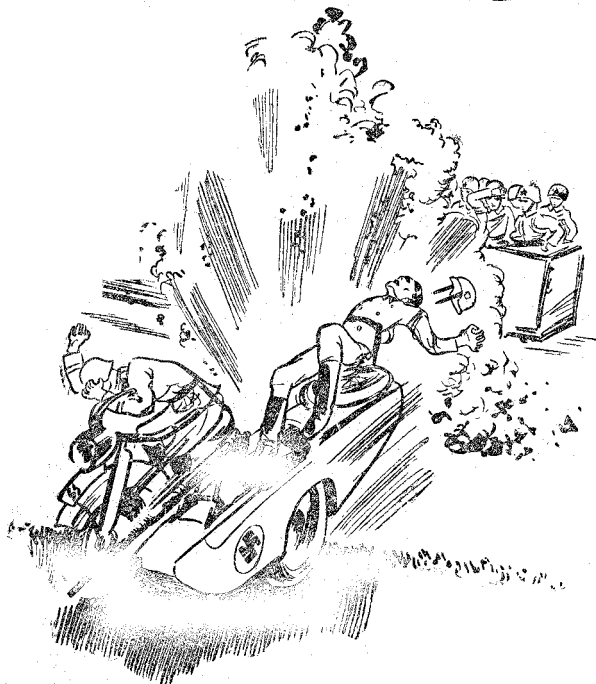

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Смельчак

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

СМЕЛЬЧАНИ

Это было на Северо-Западном направлении...

Лежали в пахучей траве, в густом орешнике. Пункт связи укрыт надежно; побледневшее от зноя небо — пустынно. Зной был такой, что, казалось, трещали листья. Где-то неподалеку находилась муравьиная куча, и лейтенант Жабин нет-нет да и смахивал со щеки муравья. Покусывая стебелек травы, он не торопился с рассказом.

— Немецкому солдату думать запрещено, этот процесс у фашистов считается вредным, — говорит он. — Котелок у него не приспособлен для быстрого соображения, — покуда он еще спохватится. Вот на этих секундах мы и выигрывали... А дело было трудное, вспомнить, — так задним числом мороз дерет по спине... Ну, и народ, конечно, у нас смелый. Взгляните на связиста Петрова, — по лицу никак не заметно, что отчаянный парень. Чересчур для мужчины смазливый, глаза сонные, — мгла какая-то в глазах; девушке каждый день открытки пишет... Бойцы ему постоянно: «Петров, да кто ты — человек, или пенёк ходячий? Ведь ты же на войне, — расшевелись...» «Отвяжитесь от меня, — отвечает, — когда надо — расшевелюсь...»

— Товарищ Жабин, как же все-таки вам удалось столько дней пробыть с двадцатью пятью красноармейцами в фашистском тылу и уйти невредимым? — спросил человек с блокнотом на коленях.

Жабин повернулся на бок:

— У меня шофер очень сообразительный. Я ему говорю: «Зачем ты, Шмельков, вертишь эту баранку? Тебе в университет надо, на физико-математи-

ческий...» «Да так, — говорит, — смолоду засосала шоферская жизнь...» Вы спрашиваете — как мы попали к немцам? Мне было приказано в местечке П. сосредоточить все средства связи и связь держать со штабом до последней возможности.

Ну, вот, я и оказался в окружении. Под вечер два грузовика, битком набитые фашистами, ничего не думая, сунулись в Дубки. Мы немцев спокойно пропустили, с флангов полили их из пулеметов, когда они из машин расползлись, — мы их в штыки. Немцы этого не любят, некоторым удалось убежать, офицер их кинулся в камыши и сидит в воде так, что видны одни ноздри. Взяли у него сумку с важными документами.

Завели мы немецкие грузовики, погрузились в них все двадцать пять бойцов, да вот мы с Петровым, за рулем на переднем — Шмельков. Небо заволокло, звезд не видно, луна еще не всходила. Едем по фашистскому тылу вдоль фронта. Час, другой не встречаем ни души, на западе полыхают зарева, на востоке — стрельба и тяжелые взрывы. По заревам, по грохоту пушек ориентируемся.

Впереди должна быть знакомая деревня. Остановились. Петров соскакивает:

«Разрешите мне в разведку».

Вот, думаю, когда человек оживился и девчонку свою забыл. «Иди». Он — гранаты по карманам и быстро так, сноровисто, умело пошел. Минут через сорок зашелестели кусты, он стоит у кабины:

«В деревне — колонна фашистских автомашин».

Думаю, — это неприятно. Но — дорога одна, справа — слева болота, а возвращаться назад нам нет никакого расчета. Шмельков говорит успокоительно:

«Садитесь, ребята, проедем».

Наши стальные шлемы в темноте могут сойти за немецкие, отличительных значков — не разобрать; только штыки наши русские, четырехгранные, могут выдать. Я приказал бойцам держать винтовки на коленях.

Скоро увидели три синих огонька, — германский «стоп сигнал» в голове автоколонны. Шмельков

включил свет в подфарки, видим — семитонные грузовики с ящиками, на радиаторах — белый диск с черной свастикой. Сбоку дороги трое офицеров глядят в нашу сторону и вертят электрическими фонариками. Шмельков дал полный свет в фары, офицеры сморщились, заслонили глаза ладонями, и мы равнодушно проезжаем мимо автоколонны, отворачивая головы, чтобы не показывать красную звезду на каске. Прибавляем скорость, проезжаем деревеньку, уютную, милую, с тихими хатами среди густых вишен и яблонь, где жить да жить. Деревня пуста, все население ушло.

Около деревянной церковки в открытой машине сидит морщинистый немецкий офицер с дряблым кадыком и фонариком освещает карту. Едва-едва я успел схватить Петрова за руку, — он было высулся из кабинки, замахнулся гранатой.

Но, все-таки, офицер что-то заподозрил. Когда миновали село, нас догоняет двадцатисильный мотоцикл с прицепом, в кабине — пулеметчик. Тут Петров и швырнул гранату, да так ловко, что пулеметчик на полтора метра подпрыгнул из кабинки, будто торопился что-то нам рассказать, а водитель вместе с мотоциклом вперед головой кинулся в канаву.

Мчимся в темноте с погашенными фарами. Большое зарево на горизонте отражается впереди за черными кустами: здесь речонка и деревянный мост. Сбавляем ход. Слышим окрик по-немецки. У нас — оружие и гранаты наготове, сидим молча. Приближаются две неясные фигуры часовых. Один остановился, другой подошел к кабинке и вглядывается, прижал нос к стеклу, — встретились мы с ним глазами... Вдруг он мне закивал, закивал и — шопотом — ломанно по-русски:

«Рус, мост не ехай, там стреляйт фашист...»

Километров пять ехали мы по лугу вдоль берега реки, слушая, как кричат лягушки. Выбрались на дорогу и опять видим синие огоньки, слышим лязг железа, идут танки, и передний от нас в тридцати шагах.

«Ложись, — говорю бойцам, — чтобы хвост ни у кого наружу не торчал».

Свернули мы к обочине дороги и почтительно, не спеша, едем, пропуская тяжелые черные танки с белым кругом и свастикой, как глаз. Фашисты предполагают, что, например, череп и кости у них, в петлицах, черные танки, воюющие бомбы должны наводить панический ужас на врага. Может быть, им виднее. Некоторые дикари надевают на войну маски с клыками и рогами, — тоже, говорят, страшно...

За танками шли зенитки, цистерны, грузовики. Вижу, — попали в кашу, и нам тут беды не миновать, надо выбиваться на другую дорогу. Но как повернуть? Повернешься — сейчас же вызовешь подозрение.

Справа от дороги показалась березовая аллея. Шмельков сразу сообразил, в чем тут дело, свернул в аллею, замелькали в глазах белые стволы, и мы прямехонько вкатились на двор совхоза, к гаражу.

Шмельков с ходу развернул машину и начал подавать ее задом, будто бы для заправки. Несколько немецких солдат подбежали отворять двери гаража. Вот и хорошо, что Гитлер не учил их думать и скоро соображать. Шмельков, а за ним наша вторая машина, развернувшись, погасили огни и полным ходом дунули обратно в березовую аллею. Позади начали кричать, стрелять, но мы уже выехали на дорогу, где все еще шла автоколонна, и с полным правом, как люди, только что заправившиеся бензином, перегнали танки и свернули в высокую рожь.

На рассвете доехали до лесочка, и тут у нас кончилось горючее. Мы укрыли грузовики и стали закусывать. Вдруг, Петров зажал сухарь в зубах и поворачивает голову, вскочил, кинулся в папоротники, — там что-то пискнуло, — и он тащит за руку мальчишку лет девяти, стриженного, тупоносого, со злыми глазами.

— Ну, чего ты? Видишь — я свой, пусти, — говорит мальчик, — я же думал, это фашисты...

— Ты чего тут делаешь, постреленок?

— Я разведчик. Мы с дедом Оксеном работаем..

Оказалось,— этот мальчишка и еще пятеро таких же с черными пятками остались на хуторе с восьмидесятилетним дедом Оксеном. Мужчины, женщины с малыми детьми и скотом ушли в лесное болото и оттуда начали партизанить. Штаб был на хуторе у деда Оксена. Шестеро его мальчишек целый день шныряли по окрестностям, не боялись даже подходить к немцам,— будто бы, сопя носом, поклянчить сухарика,— все видели, все узнавали и к вечеру сведения относили к деду на хутор. Ночью туда пробирались партизаны, и дед раздавал им работу: в таком-то месте расположился штаб,— его надо уничтожить, в такое-то место подвезли бензин, там подошел танковый взвод, который требуется подорвать.

Мальчишка оказался очень смысленным; покуда солнце не встало, он нас повел на другой конец леса — полз, чертенок, как ящерица, в папоротнике, мы за ним едва поспевали. Там, на опушке стояли заправочные цистерны и пять истребителей.

С этим делом мы справились без большого труда. Когда грохнули выстрелы моих снайперов и дозорные немцы, шагавшие, чтобы не задремать, около своих окопчиков, повалились носом в землю,— мы выскочили,— из папоротника:—«Ура!» Этот крик тяжело действует на немецкие нервы, не то что воюющие бомбы. Повысыпали фашисты из земли, из щелей,— кто руки сразу — вверх, кто, как чумной, крутится, стреляя из автомата. Одного летчика вытащили за парашютные ремни прямо из истребителя. Свидетелей этого дела не оставили. Подожгли цистерны и самолеты и вернулись в лес. Мальчишка нам говорит:

«Я побегу, прощайте, скажу деду, а то он на этот аэродром собирался послать большую партию...»

Здесь мы провели весь день. Слышали, как проехали танки и прочесали пулеметами лес, но мы были хорошо укрыты. Решили ночью пробираться вдоль Двины, ища слабого места. У фашистов

сплошного фронта нет,— они наступают, очертя голову, узкими клиньями,— и — если у тебя котелок варит — всегда можно проскочить.

Ночью пошли развернутым фронтом, с пулеметами на флангах. Вдалеке пылал город Д., по всему городу пламя выбивало под самые тучи. Фашисты любят такие иллюминации много больше, чем ходить в кино; вокруг горящего города бьют с самолетов по бегущим, загоняя детей, женщин, стариков обратно в огонь.

Ну, ладно... Мы были так злы,— сами искали — с кем бы сцепиться. Остановили легковую машину с тремя офицерами и перед смертью заставили их повернуть морды на город Д., чтобы зрелище это показалось им менее занимательным, чем кино. Порезали много проводов связи. Напали на колонну в двенадцать цистерн, перебили прислугу, выпустили и подожгли бензин,— и сами не были рады: очень яркое получилось освещение. Выследили три танка на медленном ходу и пожалели, что нет у нас с собой бутылок с горючим. Все-таки, Петров и двое красноармейцев-гранатометчиков, взяв у товарищей побольше гранат, забежали вперед, притаились в обочине дороги и бросили связки гранат — каждый под свой танк. Передний встал на дыбы, два другие, подорванные, только и смогли, что палить кругом в темноту.

Так шли всю ночь полями, перелесками и добрались до хутора, где немцы, видимо, еще не появлялись. В одном, другом домишке ставни закрыты, на дворе — ни воробья; вдруг, на одной хатенке, на соломенной крыше запел петух на зеленый рассвет. Видим — у крыльца стоит низенький лысый старик и сухонькая старушка и ждут смерти.

«Старик,— говорит она,— да никак это наши...»

И давай нас крестить и каждого целовать. А нам — не со старушкой целоваться, мы — голодные. Старик принес каравай и стал резать, раздавать ломти, а старушечка — мазать их медом, с приговором: «Кушайте, родные, кушайте, заступники...»

Дневать на хуторе было неудобно. Старик обулся, надел баранью шапку и повел нас лесными болотами на деревню, где помещался у них партизанский лазарет. К нам сбежалась вся деревня, женщины повели нас по избам. Обижать добрых людей не хотелось, пришлось подчиниться: дорожный человек костоват и черен, по старому обычаю его надо помыть, накормить и обласкать. Женщины сами нас разули, у кого ноги были стерты — вымыли их, дали чистые портяночки и давай угощать всем, что у кого было в печи.

Петров, — гляжу, — опять размяк, в глазах мгла и влага... Крестьяне сильно нас уговаривали, чтобы остаться с ними партизанить... И нам этого хотелось... Но — долг службы...

Лейтенант Жабин легким движением приподнялся... «Воздух!» — скомандовал он. В траве, между ореховыми кустами, сейчас же началось движение. В небе, на большой высоте обозначились пять фашистских бомбардировщиков. Не прошло и трех минут после того, как пункт связи сообщил о них на аэродром, — появилось звено наших истребителей. Как натянутые струны, — грозно и сильно, — пели они, круто поднимаясь к строю бомбардировщиков... И фашистские тяжелые машины, блеснув крыльями, начали поворачивать. Но было поздно... С выцветшего неба донеслась слабая трескотня пулеметных очередей. Истребители настигали. Один из бомбардировщиков качнулся, клюнул носом и пошел вниз, за ним потянулась полоса дыма...

А61500. Издательство «ПРАВДА». Цена 5 коп. Зак. 2338.

Подписано к печати 10/IX 1942 г.

Тираж 1 000 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.